

Сугубо новогодние истории

Борис ПОЮРОВСКИЙ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Я не люблю новогодние праздники. Может быть, потому, что не могу забыть, как в 7-м классе мы собрались без взрослых 31 декабря у кого-то из одноклассников, первый тост, естественно, подняли за здоровье товарища Сталина, а потом скучали до рассвета.

Организатор тьмы

После того случая я праздновал Новый год спустя десять лет. Это уже в Москве, в Доме актера. Директор Дома Александр Моисеевич Эскин предоставил нам, молодежной секции, на весьма льготных условиях Малый зал. Было довольно весело.

Когда к нам пришли «аксакалы» Яншин, Райкин, Петров, Утесов и Жаров, Михаил Михайлович Яншин сказал:

— Как жаль, что по возрасту я уже не могу быть принят в вашу секцию!

А Михаил Иванович Жаров, человек практичный, добавил:

— Они веселятся, а не обедают на ночь, как мы. С них ведь Эскин взял по тридцатке, а мы платили по пятьсот рублей с пары! Так что, хочешь не хочешь, все равно ешь!

За полчаса до полуночи ближайшая помощница Эскина, Адриенна Сергеевна Шер, почему-то на этот раз встречавшая Новый год с молодежью, обратилась ко мне с просьбой принять участие в праздничном фейерверке. Собственно, мне ничего особенного не поручалось: по сигналу Адриенны Сергеевны я должен был нажать на какую-то кнопку и держать ее до тех пор, пока куранты по радио пробьют 12 раз. Но как только я прикоснулся к злополучной кнопке, во всем здании — на шести его этажах — вырубилось электричество! Сам момент Нового года мы провели в кромешной тьме. К счастью, никто, кроме Адриенны Сергеевны, не был посвящен в мою особую роль в организации этой тьмы.

Гусь — лучший подарок

В следующий раз Эскин оказал мне высокую честь и пригласил встречать Новый год за свой стол. Там сидели Гиацинтова, Бирман, Плятт, Марецкая, Завадский, Комиссаржевский, Утесов, Туманов... От волнения, охватившего меня при виде такого общества, я нечаянно обронил лотерейный вкладыш, но не заметил этого.

Встречаем Новый, 1965-й. На экране — диснеевские мультики, затем играется капустник под руководством артиста Театра имени Ленинского комсомола Александра Ширвиндта (в ту пору в СССР, как известно, секса не было, но Шура временно исполнял обязанности его символа).

Наконец на сцене появляется главный зритель Советского Союза Никита Владимирович Богословский. Он предупреждает, что сегодня не будет исполнять ни «Темную ночь», ни «Шаланды, полные кефали», потому что ему доверено проведение новогодней лотереи.

Ассистенты крутят барабан, достают первый выигравший номер, объявляют его и просят счастливицу пройти на сцену. Им оказался солист Большого театра Рена Панков; он предъявляет лотерейный вкладыш, и ему выносят клетку с двумя волнистыми попугайчиками-неразлучниками. Все кстати, в сентябре сын Рены как раз пойдет в первый класс.

Называется второй выигравший номер. Его обладатель, известный мхатовский актер Василий Осипович Топорков, приподнимается с места, ему аплодируют, он любезно раскланивается во все стороны. А на сцену выносят двух карликовых петухов в сказочном золотисто-оранжевом оперении, которые тут же, распушив хвосты и трижды гроз-

из архива центрального дома актера

Гостеприимный директор Дома актера Александр Эскин (в центре) с гостями во время одного из празднований Нового года. Справа: такими визитками приглашали к себе Миронова и Менакер

но прокукарекав, бросаются друг на друга в смертельном поединке.

Бедная Лариса Мамонтовна, жена Топоркова, на весь зал с места умоляет мужа ни в коем случае не принимать выигрыш:

— У нас дома много лет живет попугай, он устроит скандал! — оправдываясь, говорит Лариса Мамонтовна.

Богословский неумолим:

— Выигрыш — святое дело. Выиграл — получи! А с вашим попугаем наши петушки сами как-нибудь разберутся...

Красавцев помещают в две клетки и ставят на стол Топоркова в тот момент, когда официанты приносят на блюде их ближайших родственников в совершенно распластанном виде, готовых к употреблению.

Не успели еще гости пережить историю с топорковскими петухами, а Богословский просит всех быть особенно внимательными: разыгрывается последний, главный приз лотереи!

— Номер 128, пройдите, пожалуйста, на сцену! — вызывает Никита Владимирович.

— Уже иду, — хорошо поставленным голосом отвечает Михаил Козаков.

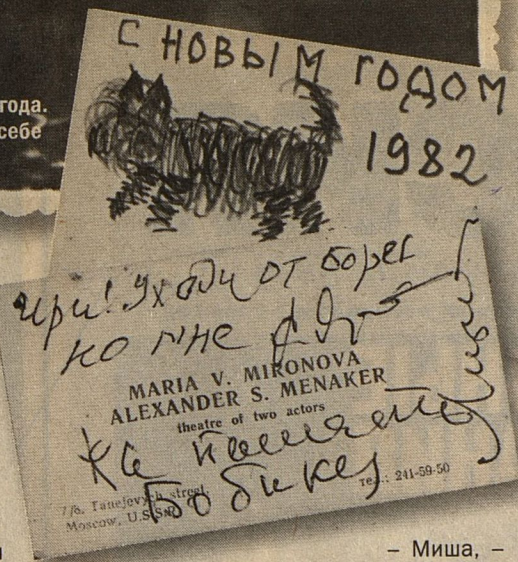
Эскин говорит мне:

— Сто двадцать восьмой — это же ваш номер, Боря! Лотерейные вкладыши — безымянные, но на них стоит тот же номер, что и на билете. У Бирман — сто двадцать седьмой, у Гиацинтовой — сто двадцать девятый, а вы — как раз между ними, следовательно, у вас сто двадцать восьмой. Где вкладыш?

— Не знаю, — отвечаю я.

— Но билет-то хотя бы сохранился?

— Вот он!

— Миша, — обращается через весь зал к Козакову Александр Моисеевич. — Откуда у вас этот билет?

— Я его нашел, — честно признается Козаков.

— Пожалуйста, верните его законному владельцу, он сидит за нашим столом.

Поднимаюсь на сцену, Богословский удостоверяет мое законное право на главный приз; звучит барабанная дробь, и на сцене появляется живой, огромный гусь весом в 14 килограммов, доставленный днем в Дом актера из Павильона птицеводства Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Гусь ступает по сцене, важно переваливаясь, как хозяин, будто он бывал здесь не один раз; выходит почти на середину, расправляет могучие крылья, еще минута — и он станет летать по залу, где и так уже творится нечто невообразимое.

Кто-то протягивает в сторону пришельца руку, но он начинает моментально угрожающе шипеть. Гусь — не попугайчик и даже не карликовый петушок.

Богословский поздравляет меня с главным призом и просит немедленно унести с

собой. Половина гостей от хохота валится на пол, другая дает советы, как надо содержать домашнюю водоплавающую птицу. А я стою на сцене и думаю: зачем мне этот гусь, лучше бы уж он достался Козакову!

Сотрудница из Павильона птицеводства помогает мне увести гуся со сцены. А дальше куда?

С трудом общими усилиями эвакуируем гуся в дамский туалет — ближайшее к сцене помещение — и запираем в отдельной кабинке. Но гусь находит небольшую щель между перегородками и, как только кто-то хочет воспользоваться соседней кабинкой по назначению, просовывает туда шею и с остервенением рвет могучим клювом чулки, колготки и даже вечерние туалеты...

Администрация просит меня унять разбушевавшегося зверя, я пытаюсь поскорее незаметно смыться, но бдительные пожарные преграждают мне путь.

Делать нечего, привязываю к лапке веревку, беру в руки хворостинку, выдернутую из веника, и в 5 часов утра мы появляемся вдвоем с гусем на улице Горького. Возвращающиеся после встречи Нового года москвичи и гости столицы шарахаются в стороны. Кое-как переходим через пустую главную улицу столицы и через десять минут оказываемся дома, в большой коммунальной квартире, где я занимаю десятиметровую комнату, правда, с балконом.

Поскольку температура воздуха сегодня явно плюсовая, выпроваживаю свой выигрыш на свежий воздух, на всякий случай предварительно связав ему крылья и снабдив миской с «геркулесом». Сперва нежданный гость ведет себя на свежем воздухе относительно спокойно, но затем начинает гоготать, да так громко, что просыпаются не только мои непосредственные соседи.

Наконец, дозваниваюсь приятельнице-хирургу, которая с удовольствием готова принять гуся. Правда, живет она не близко, но это уже детали. Достая мешок, с помощью соседней помещаю в него пришельца, заказываю по телефону такси, опасаясь, что не всякий водитель согласится перевозить такого «пассажира», и благополучно доставляю его по месту назначения.

В полдень возвращаюсь домой счастливым и срочно, пока не грянул мороз — все-таки 1 января! — приступаю к чистке «авгиевых конюшен» на собственном балконе. Что может наделать один гусь всего за несколько часов!

Бал с кремлевскими сосисками

1 февраля 1954 года в Большом Кремлевском дворце МГСПС и МГК ВЛКСМ устроили новогодний вечер, приурочив его к студенческим каникулам. В ту пору попасть на территорию Кремля никто из простых смертных и мечтать не смел. Мало того, в билете сообщалось, что войти в Кремль можно не только через Спасские, но и через Боровицкие ворота. Я был в числе тех счастливиц, кто удостоился чести быть приглашенным на первый студенческий бал в Кремле. Хотя до сих пор не понимаю, как это могло случиться.

Бал проходил в Георгиевском зале. Концерт — в двух отделениях. Объявляя антракт, конференсье предложил желающим заглянуть в буфет. Гости не заставили просить себя дважды, и Георгиевский зал мгновенно опустел. Все переместились в буфет, где можно было за символическую плату отвеать деликатесы, о которых мы знали разве что из «Книги о вкусной и здоровой пище». На меня особенное впечатление произвели кремлевские сосиски — не о них ли в свое время писал Владимир Маяковский?

Вот уже прозвучал и второй, и третий звонок, а молодежь не собиралась возвращаться в зал. И вдруг из репродуктора раздался знакомый голос Ивана Семеновича Козловского:

— Дорогие москвичи и гости столицы! Кто не успел поужинать, сможет это сделать после окончания концерта, а сейчас я, Иван Семенович Козловский, приглашаю вас в

из архива автора

Георгиевский зал, где вас заждались замечательные артисты...

Представьте, молодежь немедленно откликнулась на призыв любимого тенора и вернулась в Георгиевский зал!

Новый год с Парижским Воробьем

В конце декабря 1962 года Ю. Юзовский уезжал на две недели в Париж. До последней минуты Юз волновался: выпустят или не выпустят? До той поры он выезжал только в страны социалистического содружества. 10 или 12 января Юз вернулся в Москву и пригласил зайти в гости. После вручения сувенира он попросил вынести на кухню коммунальной квартиры небольшую коробочку и как будто случайно оставить на его столе. Ни о чем не спрашивая, я исполнил поручение. Через несколько минут дом содрогнулся от ужасного крика, донесшегося из кухни. Любопытная соседка решила поинтересоваться, что за диковинка появилась на чужом столе, и была за это строго наказана: как только она дотронулась до крышки коробочки, оттуда выскочила большая крыса. Конечно же, игрушечная.

Началось знакомство с книгами, путеводителем по Парижу, музейными каталогами, театральными буклетами. Впечатлений уйма, Юз перескакивает с одного сюжета на другой. И вдруг, после паузы, говорит:

- Знаете, с кем я встречал Новый год?
- С кем?

– Помните, я говорил вам, что у меня еще перед войной установились добрые отношения по переписке с известным критиком Жан-Жаком Готье? Так вот, ко мне в гостиницу пришел его секретарь и сообщил, что Готье простудился и, к сожалению, не сможет встретиться со мной Новый год. Однако его приглашение остается в силе, и меня ждут в ресторане, где, как он надеется, я буду чувствовать себя прекрасно.

Делать нечего, отправляюсь по указанному адресу, меня тут же препровождают в небольшой уютный кабинет, где накрыт стол на четыре персоны и стоит маленькая елка. Через несколько минут мое одиночество нарушила милая худенькая дама неопределенного возраста. Она запросто вступила со мной в диалог, будто мы давно были знакомы. Ужин прошел замечательно, и, лишь расставаясь, очаровательная незнакомка протянула свою визитную карточку, на которой было всего два слова: Эдит Пиаф!

... В октябре 1963 года Пиаф не стало.

Два дня Юз слушал французское радио, которое было заполнено воспоминаниями о Пиаф и ее песнями. Юз, будучи сам в плохом состоянии, не выключал радио ни на минуту. Он мысленно провожал в последний путь на Пер-Лашез великую певицу, с которой совершенно случайно вместе встретил Новый год – последний в ее жизни.

Индейка для Мироновой и Менакера

Где был культ новогоднего праздника, так это в доме Мироновой и Менакера! Как красиво хозяйка накрывала стол, какие забавные подарки помещала на каждый стул, предварительно разложив на тарелках маленькие визитки с трогательными шуточными поздравлениями в стихах.

Приготовление стола отнимало не один день: с годами сил у Марии Владимировны, увы, не прибавилось, но требований к себе самой хозяйка не снижала. Правда, десерт она поручала моей жене Ирине, которая каждый раз волновалась, как приготовить, – боялась ударить в грязь лицом. Кроме того, нельзя было повторяться. Торт обязательно изготавливался с большим количеством свежемороженой фруктов, почти без теста и подавался на специальном блюде. К нему прилагался заварной крем, пользовавшийся особым, самостоятельным успехом.

Бедный Андрюша, всю жизнь борющийся с излишними граммами собственного веса, когда Ирина просила его оценить ее изделие, изычно прикладывал тарелочку с кусочками торта к талии, закрывал глаза, облизывал губы и, причмокивая, говорил:

– Сегодня, по-моему, еще вкуснее, чем в прошлый раз! Ах, ах, ах!

И снова, не притрагиваясь, ставил тарелку на место.

В конце сентября 1981 года с Менакером случился инсульт на гастролях в Ленинграде, и больше трех месяцев Мария Владимировна героически боролась за жизнь мужа. Утром 30 декабря снимаю трубку и слышу голос Марии Владимировны:

– Как выживаете?

– Вы звоните из Питера?

– Из какого Питера? Мы уже три часа в Москве, и я не могу к вам пробиться! Когда, наконец, введут повременную оплату за телефонные разговоры, вы останетесь без штанов. Короче, где индейка?

Из разговора понимаю, что Мария Владимировна не собирается нарушать традиции и ждет нас, как обычно, в новогоднюю ночь.

Но сперва я должен во что бы то ни стало отыскать индейку. В ресторан ВТО обращаться бессмысленно: из-за отсутствия продуктов там впервые не будет устраиваться встреча Нового года. Можно, конечно, рискнуть отправиться на Центральный рынок.

Центральный рынок открыт. На первом этаже продаются сухофрукты, на втором – очередь за картошкой, на третьем – только вантузы. В полном отчаянии уже на выходе встречаю Николая Сличенко, он в обеих руках держит солидные свертки и спрашивает, чем я озабочен. Рассказываю честно все как есть.

Мы идем в рыночное «закулисье», Коля представляет меня какой-то энергичной женщине как своего ближайшего друга и просит достать индейку. Через десять минут в кабинет внесли неправдоподобных размеров замороженную птицу...

К Мироновым в тот вечер мы с женой приехали первыми, хотели немного пообщаться с Александром Семеновичем. Он сидел в холле в белой крахмальной сорочке с галстуком, в хорошем костюме и новых туфлях, будто позади не было ни реанимации, ни трехмесячного пребывания в стационаре. Первую фразу явно заготовил заранее:

– Как вам понравились наши гастроли в Ленинграде?

В 23 часа Мария Владимировна предложила сесть за стол, проводить старый год. Особые тосты откладывались обычно до встречи Нового года. Но в данном случае Александр Семенович решил нарушить традицию и попросил всех внимательно его выслушать. Чувствовалось, что говорить ему трудно.

– Дорогая Маша, – его явно душили слезы, – здесь сидят самые близкие нам люди, и я хочу при них сказать, что я тебе бесконечно благодарен за все, что ты сделала и делаешь для меня. Мне жаль, что я доставляю тебе столько хлопот...

Дальше он говорить не смог, взял руку Марии Владимировны в свои руки и нежно поцеловал.

Через два с небольшим месяца Александра Семеновича не стало.

В самом конце декабря 1982 года Андрей и Мария Владимировна гастролировали в Харькове. Я был уверен, что после смерти мужа Мария Владимировна не станет устраивать встречу Нового года, тем более что они возвращались в Москву лишь 31-го. Но ошибся: все было как прежде, только стул Александра Семеновича в эту новогоднюю ночь остался свободен...